

ВРЕМЯ И МЕСТО

Танцующий начальник

Геннадий Янин: «Балету Большого театра надо перестроить мозги»

Майя Крылова

Геннадий Янин – управляющий балетной труппой Большого театра, при этом ампула «играющего тренера» не мешает ему активно участвовать в репертуаре и получать положительные отзывы критиков. Но вот широкой популярности, как у Ананишвили или Цискаридзе, у прекрасного танцовщика Янина нет (как, кстати, и у многих хороших артистов ГАБТа). С этой непростой для актерского самолюбия ситуацией началась наше интервью.

Гена, известность в балете суждена лишь премьерам?
 – Да, принц по статусу в центре внимания. Если ты в прямом смысле не держишься за балерину, то в нашем деле права голоса не имешь. Я не знаю прецедента, когда человек в балете играет вторые роли (как бы блистательно он их ни играл), а в общественном мнении стоит на той же высоте, что и «мертвые красавицы», «спящие мумии» и их воздыхатели.
 – Одна из ваших ролей, Друг принца, – это как заместитель начальника. Подсидеть не хочется?
 – Игра не стоит свеч, ведь Друг принца – не наследник короля. Другое дело – роль злой феи Карабос в «Спящей красавице» и колдуньи Медж в «Сильфиде»: можно много пакостей устроить главным героям. А если всерьез, закаливание происходит еще в 10 лет, когда тебя приняли в балетную школу, и там просто ставят все точки над «и», что можешь в профессии, а что нет. Я всегда трезво оценивал себя, понимая, что для ролей принцев не хватает роста. И мне нравится моя творческая ниша в балете, большой диапазон ролей – Чиполлино, Видение Розы, Золотой Божок, Нарцисс, средневековый шут, гармонист в советской деревне, деревенский дурачок

По вечерам заведующий труппой превращается в фею Карабос.

Фото Дамира Юсупова

XVIII века, чиновник из Чехова, всяческие старухи-колдуньи...
 – Сейчас принято говорить о прагматизме балетных артистов. Про вас, наоборот, писали: «Янин каждый день приходит в класс с сияющим лицом, с живыми глазами и с улыбкой на лице».
 – Я вообще люблю работать. Родители отдали меня в балет, когда я был подвижным ребенком с хорошей координацией и плохим поведением, – и мне понарилось. Так же как сейчас нравится административная работа, хотя каждый день приходится

перестраиваться на 180 градусов, от балетного станка к письменному столу. Я всегда серьезно относился к профессии, возможно, поэтому со мной на сцене не происходило ничего забавного – я не забывал текст, не падал, на меня не валились декорации. Было однажды, на генеральной репетиции «Тщетной предосторожности» рядом со мной заурчалась ослик, который там выходит на сцену, запряженный в тележку. Ну, потыкал я его зонтиком...

– Раньше, когда вы были просто актером, наверняка вместе со всеми возмущались балетным начальством: на личные гастроли не пускают, не тех на роли назначают, карьеру зажимают...
 – Конечно, и только теперь я понимаю, что «наверху» не все были дураками. Чем хорошо положение актера – он думает только о себе, и правильно делает: наша профессиональная жизнь коротка. А мне сейчас приходится думать о театре. Это постоянный и естественный конфликт интересов. Решать вопросы, как это было раньше, хоча в курьез, теперь невозможно. Конечно, многие обижаются. Со старшим поколением – свои проблемы. Особенно сложно общаться с некоторыми из наших уважаемых педагогов. Ведь для них очень молодой человек без надлежащего опыта.

В своем кабинете играю одну из самых трудных своих ролей – иду подход к артисту. Стараюсь войти в их положение, объяснить, почему иной раз отказываю. Актеры как сильфиды: дотронься до них неловко – и крылья сразу опадают. А без крыльев сильфиды не летают.
 – Как складывается день заведующего труппой?
 – Непрерывные телефонные звонки, ходки с просьбами, масса бумаг, совещания и переговоры со службами театра: «Вы,

Геннадий Петрович, должны сделать то-то и то-то». – «Когда?» – «Вчера». Я отвечаю за все: горит ли свет в репетиционных залах, правильно ли там идут часы, как законопачены на зиму окна, вовремя ли выписался артист с больницы, кто станует главную роль, а кто будет в дальнем ряду кордебалета, кого нынче в театр привозит и отвозит слуховая машина. Деликатные моменты – планирование вводов на роли. И выходы, если необходимо: крайне непопулярная мера, но бывает. А вечером буду

должен развернуть корабль, потому что на каждый «Титаник» есть свой айсберг.
 Художественный руководитель балета Алексей Ратманский, много лет проработавший за границей и знающий международный опыт, с трудом выдержит любые изменения. Это как стрижка боксеров при Петре Первом. Один пример. Каждый солист отработывает свои вариации или дуэты, чтобы блеснуть техникой, а актерский дуэтант далеко не у всех так зашкаливает, чтобы на сцене играть с

ним интересно. Так, например, было с Марией Александровой, которая поначалу не хотела танцевать Джульетту. Я Машу за руку взял и привел к постановщикам, извинившись, что она пропустила много репетиций. Потом эта роль стала одной из любимых в Машин репертуаре.
 – Солист может без последствий отказаться от репетиций нового балета?
 – Конечно, может, если есть уважительные причины для отказа. Я сам актер и понимаю, что хорошо станцевать партию, кото-

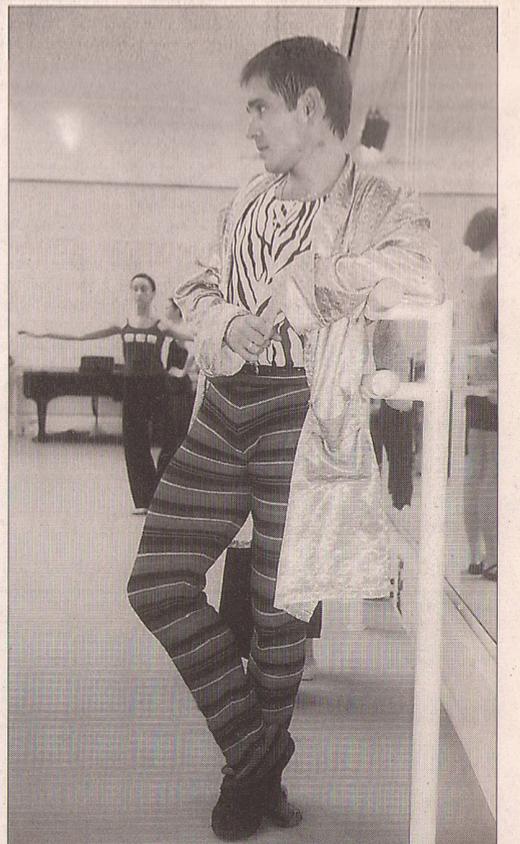
они в пустом зале часами отработывали фуэте или пируэт из любви к качеству. Сегодня можно в Большом театре уповать на энтузиазм или только на деньги?
 – Не все так просто. Конечно, бесплатно артисты ничего делать не будут. Это в принципе правильно. За 20 лет, отпущенных нам в карьере, артист должен что-то заработать на достойную старость. Открою вам секрет: основные конфликты с балеринами – из-за творчества, с танцовщиками – из-за денег. С первыми проще. Если, к примеру, балерина всю жизнь мечтает станцевать «Спящую красавицу», она считает, что в этом балете она гениальна. Театр думает по-другому. Но у нее есть возможность станцевать Аврору в другом театре. Неужели я буду мешать?
 Что касается профессионального фанатизма... Я знаю только одну артистку балета, которая с утра до ночи работает, пытается устранить недостатки. Это Нелли Кобахидзе. И результат очевиден. Жаль, что это не массовое явление.
 – У вас с женой Зинаидой двое детей, но вы всегда говорите, что не дадите им стать артистами балета, хотя сами профессию любите.
 – Мы слишком хорошо знаем все положительные, а главное, отрицательные стороны профессии. Ведь для того, чтобы карьера в балете сложилась, должно столько всего сойтись в одну точку... Дочери нравятся танцевать, мы отдали ее в балетную студию, но пусть это будет ее хобби. Хотя бы потому, что женщина, я в этом убежден, не может совместить нормальную семейную жизнь с детьми и карьеру прима-балерины. Не может.

Открою вам секрет: основные конфликты с балеринами – из-за творчества, с танцовщиками – из-за денег

любезен отсмотреть балетный спектакль. Пока меня это не утомляет. Наоборот, интересно. Сажу в кабинете, работаю, а мне поют любимые певицы: Мария Каллас, Елена Образцова, Джоан Сазерленд...
 – Что конкретно надо менять в балете?
 – Прежде всего перестроить мозги. У нас артисты психологически работают по системе, которая сложилась еще в XIX веке. Свои привычки они держат за истину в последней инстанции, считая, что репертуар и уровень спектаклей у нас лучший в мире, а значит – к чему совершенствоваться? Вот мы поставили современный балет «Ромео и Джульетта». И сколько было разговоров, что театру это не надо, пусть этим занимается кто-то другой. У многих в труппе существует настроение: мы стоим особняком от мирового балетного процесса – и отлично, у нас «Титаник», пока он развернется, пройдет много времени. Но кто-то же

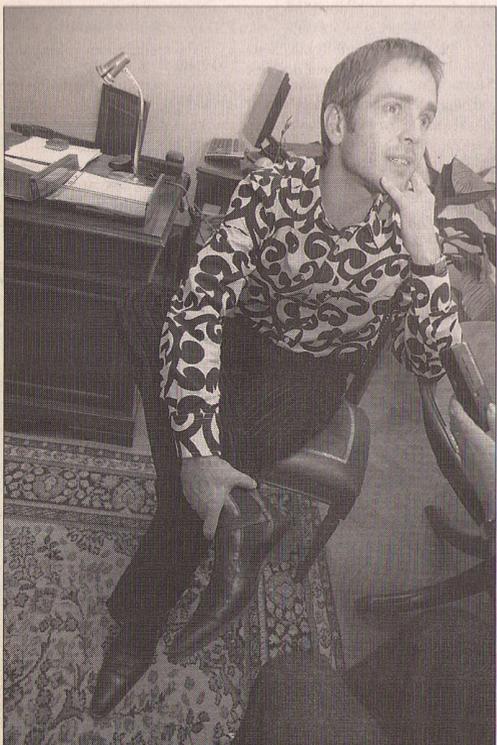
хоту. Но мизансцены спектаклей у нас, как правило, репетируются только при подготовке партии, а потом нет – так повелось. Давно идущие балеты при этом постепенно разваливаются и приобретают бледный вид. Печально, что не только артисты, но и некоторые педагоги не готовы к отмене своих привычек.
 – Недавно workshop в ГАБТе показал, что труппа не владеет мышечным аппаратом, чтобы хорошо станцевать неоклассику. Я не говорю уже о современных техниках танца.
 – Да, там и мне пришла в голову мысль: надо что-то делать с начальным образованием. А в труппе хочется донести до исполнителей: ребята, учитесь! На дворе XXI век, и в нем цены не будет такой компании, которая, как балет Парижской оперы, может хорошо исполнять и классику, и современную пластику. Когда артистов удается уговорить, они втягиваются – и постепенно понимают, что это им са-

рая не нравится, просто невозможно. С другой стороны, в труппе 220 человек, и если кто-то капризничает, мы всегда найдем ему замену когда нет понимания между актером и административной, в проигрыше, как правило, актер. К сожалению, не все понимают, что жизнь артиста балета коротка, и каждый отказ – дырка в его карьере. Отказываются чаще маститые, которые, как им кажется, все уже доказали – какие они хорошие артисты и как здорово танцуют. Молодые, которым надо завоевывать место под солнцем, наоборот, хотят попробовать.
 – Маститые не понимают истины, которая известна критикам, но плохо понятна исполнителям: в искусстве не бывает вчерашних заслуг.
 – Как хорошо, что эта мысль прозвучала! Артисты, как ни странно, часто забывают, что любое, даже очень способное тело постепенно изнашивается, и теперь ты не так хорошо кру-

На репетиции.

Фото Майи Крыловой

Утром Геннадий Янин начальник. Фото Артема Чернова (ИГ-фото)